

Научная статья

УДК 82.091

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-361-375

EDN: NBIGWP

ДЕСКРИПТИВ НОВОПИСЬМЕННЫХ ЛИТЕРАТУР: ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛЕВАНТНЫХ УРОВНЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Тахир Зейтунович Толгуров¹, Юрий Мухамедович Тхагазитов²,
Лариса Мустафаевна Аппаева³

¹ Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Россия, kangaur64@yandex.ru

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия, yutkhag@gmail.com

³ Государственная телерадиокомпания Кабардино-Балкарской Республики, Нальчик, Россия, lara.appaeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции фольклорных описаний и проблеме идентификации традиционных выразительных структур в качестве типологических маркеров. Утверждается, что теория «ускоренного развития литератур», особенно, ее положения о дрейфе выразительных структур из пространства устного народного творчества в авторскую литературу, во многом является результатом воздействия на этническую культуру тезисов идеологических доктрин. Делается вывод о стадийном развитии дескриптива в долитературный период и предлагается схема его функциональной классификации; утверждается при этом, что наличие архаичных типов описаний в текстах не является результатом воздействия фольклорной эстетики и не может служить основанием определения литературной системы в качестве «новописьменной». Основная концепция статьи – существование уровней описания персонажа, возникновение которых связано с соответствующими эволюционными периодами развития общества и устного народного творчества, уровней, предусматривающих модификацию информационного контента описываемых объектов от безусловных и не активированных в сюжете и характере героев маркеров до выделенных признаков и атрибутов, используемых осознанно и целенаправленно. Разбор эволюционных модификаций дескриптива, анализ его функциональных ресурсов и возможностей приводят авторов статьи к выводу о некорректности некоторых категорий и понятий теории «ускоренного развития» в отношении литератур народов Северного Кавказа. Кроме того, ими поднимается вопрос о применимости моделей донорного воздействия альтернативных культурных представлений на традиционные – в данном случае, на русскую – литературы.

Ключевые слова: новописьменная, фольклор, авторская литература, донорный, дескриптив, информация, зооморфный, маркер, антропогенный, солярный, хтонический, эволюционный, национальный, адаптивный

Для цитирования: Толгуров Т.З., Тхагазитов Ю.М., Аппаева Л.М. Дескриптив новописьменных литератур: формирование релевантных уровней информации // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 4. – С. 361-375. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-361-375. – EDN: NBIGWP.

© Толгуров Т.З., Тхагазитов Ю.М., Аппаева Л.М., 2022

Original article

THE DESCRIPTIVE OF NEW LITERATURE: THE GENERATION OF RELEVANT INFORMATION LEVELS

Tahir Z. Tolgurov¹, Yuri M. Tkhagazitov², Larisa M. Appaeva³

¹ Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, kangaur64@yandex.ru

² Institute for Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchik, Russia, yutkhag@gmail.com

³ State Television and Radio Company of Kabardino-Balkarian Respublik, Nalchik, Russia, lara.appaeva@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the folklore descriptions' evolution and the problem of identifying traditional expressive structures as typological markers. The article argues that the theory of “accelerated development of literatures”, especially its provisions on the drift of expressive structures from the space of oral folk art into the author's literature, is mainly the result of the impact on the ethnic culture of the theses of the ideological doctrines. Authors conclude about the stadial development of the description in the pre-literary period and propose a scheme for its functional classification, arguing that the archaic descriptions in texts is not the result of folklore aesthetics influence and cannot serve as a base for defining the literary system as a “new-written”. The main concept of the article is the existence of character descriptive layers, the emergence of which is associated with the corresponding evolutionary periods of the society's development and the oral folk art; levels providing for the modification of the information content of the described objects from unconditional and non-activated markers in a plot and characters, to highlight features and attributes used consciously and purposefully. Analysis of the evolutionary modifications of the description, analysis of its functional resources and capabilities leads the article's authors to the conclusion that some categories and concepts of the theory of “accelerated development” are incorrect in relation to the literatures of North Caucasus people. In addition, they raise the question if the donor impact models of alternative cultural representations on the traditional is applicable (in this case, on Russian) literatures.

Keywords: newly-written, folklore, author's literature, donor, descriptive, description, information, zoomorphic, marker, anthropogenic, solar, chthonic, evolutionary, national, adaptive

For citation: Tolgurov T.Z., Tkhagazitov Y.M., Appaeva L.M. The descriptive of new literature: the generation of relevant information levels. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 4. – P. 361-375. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-361-375. – EDN: NBIGWP.

© Tolgurov T.Z., Tkhagazitov Y.M., Appaeva L.M., 2022

Понятие «новописьменные (ранее – «младописьменные») литературы» тесно связано с теорией «ускоренного развития» [Гачев 1964]. В системе теоретических положений своего фактического создателя – Г.Д. Гачева комплекс понятий и концептов, описывающих так называемое донорное влияние традиционных культурных ареалов на вновь образованные, либо недавно измененные, по умолчанию, не касается компонентов доминирующих литератур. Они представляют собой инструментарий анализа систем словесного творчества народов-реципиентов. В современных исследованиях тезис о безусловном и всеобъ-

емлющем эволюционном влиянии русской литературы на национальные уже подвергается сомнению [Узденова 2016: 61], однако он долгое время задавал не только порядок критического и теоретического рассмотрения контекста, но, вполне вероятно, этот самый контекст форматировал – по крайней мере, в определенных пределах.

Проецируя категории и дефиниции «новописьменности» на соотношения национального фольклора и национальной авторской литературы, в качестве одного из итогов мы получаем константные форманты фольклорной генерации, согласно принятым в СССР доктринам, настолько стабильные, что они включаются в нарратив авторских текстов, не претерпевая изменений на всей протяженности эволюционного движения конкретной литературы. Весьма показательны в этом плане сопоставления художественных текстов различных эпох, в которых ученые не замечают разницы в функциях фольклорных и этнографических деталей и даже подводят под эту монохромную оценку некое подобие теоретического обоснования [Рыбаков 1974: 4-5]. Неясно, насколько официальное, реализованное в теоретическом и критическом корпусах исследований позиционирование этнической художественной словесности влияет на скорость и характер ее развития. Но понятно, что сегодня, в условиях модернизации и трансформации культурного пространства народов России – не всегда корректного и позитивного – эстетическое состояние таковых нуждается в кардинально новом институциональном и оценочном подходе, лишенном, как минимум, черт секуляризированных, ангажированных оценок. Это – современные ожидания коллективного сознания народов РФ, актуальность которых очевидна.

Тем более что лишь инерцией жесткого литературоведческого канона соцреализма можно объяснить отсутствие научного интереса к четко проявленным параметрам, полностью противоречащим каноническим постулатам теории «ускоренного развития» и концепции «новописьменных литератур».

Даже элементарный обзор различных типов фольклорного описания – от формульных «общих мест» до мифологемы – в литературах Северного Кавказа выявляет существенную разницу в их функциях, объемах семантической нагрузки, да и просто в частотности употребления на разных этапах развития. Первое, что привлекает внимание, – относительно редкое использование фольклорного дескриптива в текстах первого поколения национальных авторов, что удивительно – именно в тех из них, которые можно отнести к произведениям, отмеченным безальтернативным конфликтом. По логике вещей и принципиальным схемам декларируемой оппозиции, художественные тексты, построенные на сравнении и столкновении безусловного характера, должны быть насыщены немотивированными описаниями превентивного плана, задающими аксиологическую позицию персонажа вне какой-либо зависимости от сюжета.

Причем, если в поэтических произведениях словесная народная традиция все-таки обозначена его простейшими модификациями, то в прозе фольклорное присутствие наблюдается только в принципах образного позиционирования. Несмотря на устойчивое соотнесение изобразительных систем ранней авторской литературы с нормами народного творчества, в тех случаях, когда речь идет о различных видах устойчивых формант, это – как уже отмечено, не более

чем реликты исследовательских подходов теории соцреализма, с ее обязательными отсылками к «фольклоризму» новописьменных литератур. Традиционная схема предварительного определения героев на шкале положительности-отрицательности в подаче их внешности является классическим, «хрестоматийным» примером фольклорного мышления в интерпретации большинства ученых: «Портреты других героев также даются фольклорно-тенденциозно: положительный, следовательно, – красивый, сильный, добрый;.. «портретная антитеза» вскоре обернется антитезой идейной: Токал станет предателем, прихлебателем у богачей» [Мусукаева 1993: 24].

Насколько оправдана такая оценка приемов изображения авторов молодых северокавказских литератур – проблема неоднозначная. Многочисленные «железные комиссары» в «кожаных куртках» первого десятилетия развития русской советской литературы также вполне вписываются в границы подобного описания, но вопрос об их возможном фольклорном происхождении, а тем более о принадлежности к типологическим свойствам молодых систем, и сегодня остается открытым. Иногда поиски «народного начала» с явной изначальной установкой на нахождение такового приводят к классификационным казусам, невозможным вне зоны диктата положений теории социалистического реализма, например отнесение изображения конфликтного столкновения в каждой отдельной главе произведений Кешокова увязывается в научной литературе с сюжетными образцами фольклора: «...прием, основанный на традиционном фольклорном приеме столкновения и единоборства социально или нравственно противоположных друг другу героев» [Бекизова 1972: 263]. Отметим, что на самом деле образцы народного словесного творчества, посвященные описанию социальных оппозиций, по определению завязаны на конфликте, разбивки на главы не имеют, и попытки сопоставить с ними именно в этом аспекте сюжетику авторской литературы совершенно излишни. Сюжетная завершенность главы обширного повествования, равным образом и завершенность короткого фольклорного текста, – феномен общелитературный, известный с античных времен и описанный в новейшее время еще В. Шкловским: «Предшественником современного романа был сборник новелл... Сборники новелл обыкновенно делали так, чтобы отдельные части, в них входящие, были связаны, хотя бы формально... Очень важно отметить, что... самая громоздкость материала не позволяет применить... связи частей в устной традиции... Разработка способов соединения новелл могла быть дана в так называемом народном, т.е. анонимном, несознательно-личном творчестве только в зародыше» [Шкловский 1929: 83-84].

Впрочем, стремление выведения базовой семантики современных литературных образцов из фольклорной архаики вообще свойственно мировому литературоведению, и иногда оно приобретает навязчивый характер: «Когда Робинзон однажды сравнивает себя с древними титанами, жившими в пещерах, то такое сравнение более многозначительно, чем это разумел сам герой. Робинзон, создающий своими руками окружающий мир действительно... напоминает мифологических «культурных героев», а вся его деятельность на острове – структуру соответствующих мифов» [Мелетинский 1976: 281].

Вне всякого сомнения, осмысление современности с использованием мифологической структуризации бытия – характерная черта романа XX в., но, как вполне аргументированно показывает Е.М. Мелетинский, мифологический сюжет и архетип используются, прежде всего, как один из способов идентификации в тексте автора. Это инструмент мировоззренческого и философского осмысления окружающего бытия, феномен внетекстуальный, точнее – проявляющий абсолютную валентность по отношению к любой проблематике и этической модальности, в силу своей социальной этиологии: «Социально-исторический подход определял структуру романа XIX в., поэтому отказ от данного подхода способствовал нарушению сложившегося структурного порядка. Модернизм компенсирует этот беспорядок символическими средствами, в том числе мифологическими. Таким образом, мифологизм становится инструментом повествовательного структурирования» [Мелетинский 2001: 129].

В целом, поиски фольклорных элементов в образцах авторской новописьменной литературы в генетическом плане не имеют отношения к положениям ленинской теории наций и национального обустройства в условиях гегемонии пролетариата, что для РСФСР означало гегемонию русского народа. Опровергая самое себя, большевистская концепция национальной политики – по крайней мере, в части, касавшейся искусства – восходила к откровенно расистским воззрениям европейских антропологов и этнологов XVIII–XIX вв., иронически подытоженных К. Леви-Строссом: «Западная цивилизация представляется как наиболее продвинутый этап эволюции человеческих обществ, а первобытные группы – как «пережитки» предыдущих этапов, логическая классификация которых послужит тем самым выяснению порядка их возникновения во времени» [Леви-Стросс 2001: 9-10].

Однако в реальности черты незрелой новописьменной прозы, традиционно осмысливаемые в качестве пережитков фольклорного мышления, к последнему имеют весьма условное отношение. Трактовать многочисленные заключения относительно текстов 30-х гг. и их насыщенности фольклорными формантами разного уровня, можно лишь с учетом идеологических постулатов большевизма, в ряду которых центральное место принадлежало мысли об абсолютно прогрессивном, цивилизующем влиянии Октябрьской революции на окраинные народы бывшей Российской империи.

В какой степени фольклорная эстетика прогрессировала до вхождения новописьменных литератур в корпус «советской многонациональной» – область, практически лишенная интереса советского, а позднее – российского литературоведения. Далее перечисления этапно-функциональных формаций словесного народного творчества – миф/эпос/фольклор, иногда с констатацией дополнительного членения, увязанного с этническим статусом народа-носителя, советская гуманитарная мысль не шла.

Этому есть вполне исчерпывающее объяснение. Краеугольным камнем теории соцреализма был постулат об определяющей роли идеологии. Адаптируя последний к анализу фольклорных текстов, на выходе исследователи получали систему условной детерминации типов словесного творчества теми или иными общественными состояниями. И здесь идеологически ангажированный

подход оказывался вполне корректным – оспорить значение конкретных форм социума на генезис стадиальных статусов народных текстов невозможно: «постестарные» дают нам сказания о героях-одиночках, консолидация родоплеменных объединений порождает произведения о борьбе с внешними врагами, словное расслоение подразумевает популярность песен о борцах с социальным неравенством и т.д.

Логика идеологического суждения, продолжаясь в области содержательных и формально-содержательных элементов разного уровня, неизбежно приводила к признанию устойчивых и неизменяемых аксиологических черт фольклорных персонажей, затем находивших свою типологическую и функциональную нишу в авторских текстах. Это был устойчивый тезис советского литературоведения, в подавляющем большинстве случаев не имеющий никакого отношения к опыту национальных писателей.

Например, оценочная «внешняя» предопределенность статусов тех или иных героев, традиционно причисляемая исследователями к наследию устной народной словесности, на самом деле требует серьезного переосмысления или, по крайней мере, уточнения. Во всяком случае, в эпических сказаниях описания внешности отрицательных героев фактически отсутствуют – имеются ввиду развернутые описания, а не точечные ссылки, типа «...Выглянул Ерюзбек и увидел громадного эмегена, говорят. // На лбу у него светился единственный глаз, говорят» [Нарты 1994: 349], или «Они (эмегены – *Т.Т.*, *Ю.Т.*, *Л.А.*) шли, распространяя вокруг зловоние, выпучив свой единственный глаз на лбу» [Нарты 1994: 348]. Отметим, кстати, важнейшее обстоятельство – одноглазость является безусловным, так сказать, биологическим признаком эмегенов, и поэтому в качестве аксиологического аргумента не функционирует – признаки биологического состояния оценке не подлежат и даже самые «нечеловеческие», зооморфные из них могут принадлежать как «отрицательным», так и «положительным» героям: «...она осторожно обтесала оставшуюся оболочку и... вынула ребенка с хохлом на голове наподобие гребня и ногами тонкими, как вертел» [Нарты 1994: 367] – речь, как мы помним, идет о Сосуруке.

Безусловные, нефункциональные зооморфные либо неантропогенные черты в процессе текстуального оборота подвергаются трансформации и приобретают сюжетозначимые функции. Это происходит даже с наиболее аффилированными с негуманоидностью и сугубо физиологическими параметрами. Причем – повторимся – эпос дает нам примеры, доказывающие, что первично обладание нечеловеческими чертами никоим образом не является аксиологическим качеством – как в случаях, когда обладатель имеет хтоническую природу, так и в тех, когда он явно имеет солярное происхождение:

...Сердце Дебета было из огня,
Из стали были части его тела,..
...Душа и кровь его были созданы из огня.
От прикосновения его руки камни раскалялись и плавились,..
...Он ел камни, как хлеб.
Чтобы узнать, что есть в каждом камне... [Нарты 1994: 303]

Или:

...старый эмеген решил ее поймать.

Тогда Сатанай, открыв лицо, взглянула на него –

Вмиг единственный глаз эмегена ослеп... [Нарты 1994: 307].

Здесь, как мы видим, и Дебет, и Сатанай рудиментарно проявлены, как носители сверхчеловеческих свойств, полностью безразличных к возможным оценкам с точки зрения морали и этики, и при попытке реконструировать их изначальную сущность, мы будем удаляться от их позднейших антропоморфизированных качеств.

Возвращаясь к имманентным негуманоидным свойствам Сосурука и их нейтральности: насколько данный персонаж антропоморфен – также вопрос до конца не определенный. В отношении Сосурука-Сасрыквы-Сослана существуют значительные разночтения по поводу его позиционирования в генерационном диапазоне. Не стоит забывать, что нарты, как биологическая популяция, имеют явное солярное происхождение, это не раз и не два обозначено в их атрибутике и эпитетах, подтверждено итоговым действием – уходом на небо [Нарты 1994: 597]. Именно по этой причине солярность героя нартиады, в целом и общем, свидетельствует в его пользу, доказывает близость человеку – ведь нарты, при всей их дистанцированности от вида Ното, ощущаются как некие квазипредки людей.

Сосурук-Сосурук же не столь ясен: его рождение из камня, неустойчивые, но наличествующие свидетельства о взращивании под землей [Нарты. Адыгский героический эпос 1974: 194], поступки, зачастую не вписывающиеся в человеческие морально-этические нормы (последние некоторыми исследователями классифицируются как воинско-утилитарные [Борова 2015: 29], но это не лишает их реликтового значения), в конце концов – продолжающаяся под землей посмертная жизнь [Адыгский героический эпос 1974: 228].

С учетом амбивалентности образа Сосурука-Сосурука, можно предполагать, что он относится к древнейшим пластам фольклора, одной из функций тезауруса которого была идентификация человека как такового и выделение его из общего зооморфного окружения. В этом случае «нечеловеческие» черты героя представляются дифференциальными маркерами – не более того. Они несут в себе следы истинного (первичного) неантропоморфного облика богатыря и никоим образом не участвуют в сюжете сказания. С этой точки зрения вся информация дескриптива подобного типа выступает в качестве опосредованно функциональной, либо полностью нефункциональной и может быть отнесена к самому первому, деструктурированному пласту информации об объекте, на позднейших стадиях развития художественной словесности, имевшей форму пассивного, неучитываемого контента.

В дальнейшем идентификационная информация персонажа приобретает характеристические, «рабочие» параметры, и это касается даже наиболее «физиологических» черт.

Так, запах эмегенов, их зловоние. В самых архаичных частях карачаево-балкарской версии эпоса вонь – неизменный маркер, не более того. Но и в бо-

лее поздних текстах история эмегенов перманентно связана с запахом и ветром: «...Это были эмегены... Они шли, распространяя вокруг зловоние, выпучив свой единственный глаз на лбу» [Нарты 1994: 348].

Генетический признак, характеризующий великанов как биологический вид, постепенно переходит в разряд оцениваемого качества и даже сюжетозначимой функции, приближаясь в этом смысле к причине принятия решения героями-оппонентами.

Запах эмегенов, оставаясь их видовым параметром, одновременно трансформируется в свойство, по определению вредящее людям, причиной и поводом для вражды с чудовищами. Правда, такое изменение требует небольшой коррекции самого качества маркера – из зловония оно превращается в нечистоплотность и обуславливает после этого прямой ущерб человеческим (нартским) поселениям: «Эмегены... залезали в воду и всячески загрязняли реки и этим очень досаждали нартам и мучили их» [Нарты 1994: 588]. Дальнейшее развитие индифферентного качества превращает его фактор биологической несовместимости; отчленяя от действующего живого носителя и трактуемый, как самостоятельно вредящее обстоятельство: «...Через несколько дней трупы эмегенов стали разлагаться и смердеть на весь мир. От этого в нартской стране начался страшный мор. У заболевшего начинал болеть живот, кружиться голова, и он через три дня погибал» [Нарты 1994: 589].

В дальнейшем типологические маркеры окончательно выходят за границы идентификационных черт и из неотъемлемого качества зачастую подаются в качестве осознанного действия: «Он (эмеген Желбыдыр – *Т.Т., А.Л.*)... возьмет жел керюк,¹ подует в него и опять пошлет на наши горы буран» [Нарты 1994: 486], в том же ряду: «Эмегены знали, что у нартов не осталось огня. И чтобы нарты не развели огонь от солнца или звезды, они своим жел керюком подняли такой буран, что, казалось, он сметет с лица земли страну нартов» [Нарты 1994: 367]. Правда, в данных примерах мы наблюдаем метонимический переход «запах-ветер», что само по себе, странно для архаичных текстов, но, тем не менее, это не делает их (примеры) менее иллюстративными.

Эпическая система образов у карачаевцев и балкарцев не выходит за пределы собственно эпоса. Хотя архаичные персонажи – нечеловеческие сущности и герои-сверхлюди изредка встречаются в сказочных текстах, они не обладают парадигмальной полнотой соответствующих классификационных признаков и, в сущности, могут быть безболезненно заменены в поздних фольклорных текстах более или менее отдаленными аналогами.

Например: «...Немного пройдя, он увидел – на вершущке горы сидел большой, жестокий эмеген, вперив в него свой единственный глаз посередине лба и разинув пасть, похожую на пасть крокодила.

Подойдя к нему, стрелок сказал:

– Эй, толстобрюхий, пусть прибавится у тебя! – и протянул ему руку.

– Спасибо, будь здоров и ты! – приветливо ответил (эмеген).

---

¹ Ветряной мех.

Стрелок (охотник), сильно сжал протянутую ему руку и сломал эмегену палец. Великан сделал вид, что он не почувствовал (боли), вытерпел и не подал виду, что что-то случилось.

– Я пойду, скотину соберу (заверну), а пока ты здесь, у кошары, из каких-нибудь хромых (плохоньких) овец-коров шашлык готовь, а там и я подойду, – сказал эмеген и пропустил (проводил) охотника в пещеру» (подстрочный перевод наш – Т.Т., Ю.Т., Л.А.) [Свод карачаево-балкарского фольклора 2017: 356].

Конечно же, чудовища эпической формации никоим образом не втискивали бы свое поведение в клише адатов, тем более – в каноны дворянского поведения «езден адет». С этой точки зрения, эмеген, встреченный стрелком, скорее, антропоморфный враг-человек, причем человек вполне достойный.

Иначе говоря, слои информации, заключенной в объекте «эмеген», подверглись серьезной модернизации еще в эпическую эпоху, в частности, рассматриваемый нами кластер «запах-ветер», сопряженный с безусловным маркером «одноглазость», проходит протяженную траекторию: нефункциональное и неконтролируемое «зловоние» – «неосознаваемое эмегенами, но губительное для людей зловоние» – «ветер-буран, осознанно производимый эмегенами».

Заключительный пласт устойчивых признаков объекта «эмеген» проникает в авторскую литературу и приобретает вид постоянного стороннего, точнее – самостоятельного атрибута эпических великанов, аксиологические составляющие которых от данного атрибута не зависят, их позиционирование происходит уже на другом уровне осознания и описания, более подходящем любому действующему персонажу, вписанному в нормы морали и этики человеческого общества: «...Как слабы оказались мы, эмегены, бессильны, никчемны..» – затосковал вдруг Ветробрюхий. От неожиданной, неизвестно откуда всплывшей в обеих его головах мысли, он замер, тяжело склонив бритые затылки, задумчиво воззрившись в землю. «Наша природная доброта, благодать не дает нам обрести силы, – подумалось ему. – Соседям добро делаем, себя забыли, щедры стали на уступки, слишком щедры. Мягкость, уступчивость наша, сердечная широта и щедрость целый мир освещает, словно глаза луны-солнца. А что получаем взамен? Горе, беда, жестокость бьют по нам, как ледяные дожди. Без перерыва. Хватит уже, достаточно». – Ветробрюхому захотелось завывать-заплакать, но постеснялся сидевших рядом Тупицы и Четырехголового, сдержал себя. Переваливаясь, он сделал несколько шагов и рухнул, прилип грудью к своему волшебному меху. Вырвавшийся из меха ветер – мощный и шумный – тут же прошумел над землей нартов, распластался, заставив потемнеть и зеленую траву долин, и кроны деревьев» (подстрочный перевод наш – Т.Т., Ю.Т., Л.А.) [Толгуров 2005: 5].

Последний образец, взятый из современной авторской прозы, демонстрирует нам развитую форму дескриптива фольклорного происхождения. И, по сути, речь идет о том, что так называемые признаки фольклорного мирозерцания были свойственны национальным описательным конструкциям еще в ее долитературный, бесписьменный период. Алгоритм изменения, при определенных допущениях, выглядел как стадийное изменение описания от обязательно-однозначной и неоцениваемой связи между аргументом и объектом – «одноглазость/великан», или «зловоние/великан», очень похожей на понятийную

связь в начальных формах образных представлений [Толгуров 1999: 23], – к функциональной активизации аргумента – к обособлению от самого объекта и приведению последнего к сюжетно-значимому состоянию, позиционированию по его непосредственным действиям, а не в соответствии с происхождением и солярно-хтонической локализацией.

Де-факто, коллективное сознание народа лишает врагов человеческого рода их постоянных черт, «изымает» из образа его аксиологическую предопределённость, в итоге – уничтожает генетическую локационную стабильность, преобразуя хтонический объект в универсальный. Подобная мобильность – закономерно переходящая в оценки морально-этического плана – зачастую свойственна представлениям, в той или иной степени игнорирующим пространственную структуру и строение окружающего мира.

Как справедливо отмечается, «...перцептивное «я», находящееся в центре мироздания, ограничивается и идентифицируется с помощью барьеров и границ нетопологического качества... Вертикальность балкарской Вселенной... как предмет эстетического анализа не воспринимается – это просто нейтральная данность, среда обитания. Закономерно, эмоции и оценки активного субъекта произведения корректируются извне, системой этнической культуры» [Тхагазитов, Толгуров Т. 2015: 367]. Логическим продолжением этой мысли становится тезис об определении аксиологического статуса героя исключительно или преимущественно по его действиям – в силу приобретенной нейтральности. И это, действительно, справедливо для образцов карачаево-балкарского фольклора.

К слову, наиболее частым негативным признаком образа может быть признана его тучность, что вполне естественно для маскулинных сообществ Северного Кавказа, еще находившихся в стадии повсеместного употребления холодного оружия, но уже отказавшихся от тяжелых модификаций доспеха. Однако если у большинства народов региона негативное качество героя имеет самодовлеющий характер, имеет вид неотъемлемого органического свойства – например «Беслан Жирнотелый» адыгских песен, у балкарцев и карачаевцев тучность, как правило, сопутствующий аргумент: «Два борца, как будто не от людей родились, были сильны необыкновенно. Если они с кем-то боролись, то либо убивали, либо кости ломали – без этого не обходилось. Вот так и в одном селе во время борьбы убили они одного парня. А если и умирал человек, князю (хозяину борцов – *Т.Т., Ю.Т., Л.А.*) до этого дела не было. Свое большое скотское брюхо, словно бурдюк айраном, до верху залив, полеживал он на спине» (подстрочный перевод наш – *Т.Т., Ю.Т., Л.А.*) [Карачаево-балкарский фольклор 1996: 211]. Очевидно, что основной отрицательной составляющей образа является его безразличие к жизни человека, а уже отсюда выводятся дополнительные характеристики, причем именно то, что князь «лежал на спине» определяет наличие у него «скотского брюха», а не наоборот.

Однако и подобное дополнение было редким для карачаево-балкарской песенной традиции. Обычно негативная характеристика персонажа вполне исчерпывалась образом его действий – либо социально отрицательных, либо противоречащих адатным нормам, а чаще совмещающим в себе и первое, и второе, –

своеобразная дубликация отрицательных черт, но обязательно с акцентом на антиобщественное поведение:

...У Абаевых было два сына,
Там, где они ступали, земля кровавой становилась.
Они своих крестьян (рабов), как скотину, продают,
Нарядные (нарядно одетые) целыми днями пиво пьют...
(подстрочный перевод наш – Т.Т., Ю.Т., Л.А.) [Карачаево-балкарский фольклор 1996: 269].

«Развертка» отрицательных характеристик персонажей последовательно приоритетна: изначально идет общее отчуждение героев, затем их социальное отрицание и лишь в заключении представлены нарушения адатности.

Данная схема обрисовки отрицательных персонажей является стабильной для всего карачаево-балкарского фольклора; примечательным в ней является фактическое отсутствие черт внешности объекта – даже в случаях детализации его негативного статуса:

Шакмановы живут в Холаме,
Бедный народ, как овечье мясо, едят.
Издеваются, кровью нашей (никак) не насытятся,
Достоинством людей играют.
Откормленную (лучшую) скотину, как крокодил(ы) глотают,
Полный двор домашней прислуги держат.
Скотину (сельскую) на высохшую траву зимников не пускают,
Не пускают к единственному в селе роднику.
Невест в их первую ночь выслеживают,
Словно волки, смотрят в комнаты для невест...
(подстрочный перевод наш – Т.Т., Ю.Т., Л.А.) [Карачаево-балкарский фольклор 1996: 270].

Как видно из этого отрывка, в тексте нет ни единого намека на якобы присущее фольклору уничижительное описание внешности. Но это частная черта карачаево-балкарской традиции, а в целом – у «новописьменных» народов доминирует вышеупомянутая схема поэтапного перехода от точечной характеристики персонажа к особенностям его социального поведения и затем – переход к соответствию-несоответствию адатным нормам, в цитируемом отрывке практически совпадающим со стандартом общественно приемлемого. В той или иной степени подобный порядок дескриптива прослеживается в фольклорном пространстве любого народа

И эти стандарты описания, сформировавшиеся в недрах самых архаичных областей устного народного творчества, очень четко соответствуют различным стадиям художественной долитературной словесности, в свою очередь складывавшихся на совершенно конкретных циклах общественного развития. И, естественно, еще задолго до революции 1917 г., задолго до появления и становления социалистического государства, они приобрели характер многофункциональных формант, каждый раз наращивая свою ярусную структуру в соответствии с потребностями и нормами общежития и меняя свою роль в выразительном инструментарии текстов.

Если же вести разговор о соотносительности фольклорных структур и образных компонент с теми или иными стадиями развития советских национальных литератур, то необходимо констатировать, что к, собственно, новописьменным чертам прозы они никакого отношения не имеют. Как правило, количество и эстетическое качество дескриптивных ярусов советской прозы, начиная с первой ее волны и, приблизительно, до конца 60-х гг. прошлого столетия, не являются предельными в сравнении с аналогичными показателями устного народного творчества. Что касается конкретно Северного Кавказа – наблюдать полноценное использование традиционных этнических описаний, без видимого адаптивного опрощения таковых – адаптивного к требованиям соцреалистической эстетической доктрины – возможно лишь с вступлением авторских литератур региона на третью стадию развития, то есть, опять-таки, с исходом 60-х – началом 70-х гг. XX в.

И повторимся: обзор карачаево-балкарских фольклорных текстов дает основания утверждать – в национальной интерпретации позитивных-отрицательных характеристик героя нет описаний его внешности, жестко привязанных к эволюционным стадиям развития литературных систем в режиме так называемых «новописьменных». Можно утверждать большее: в литературоведческих трудах, создававшихся вне идеологического прессинга, также отрицается аксиологическая нагрузка внешних описаний, происходящих из народной среды, к слову, амбивалентность уродливости в народном представлении является одной из центральных идей, проводимых М.М. Бахтиным в его анализе творчества Ф. Рабле [Бахтин 1990].

Однако в условиях торжества доктрины социалистического реализма доминировала совершенно другая точка зрения, отражавшая если и не реальные свойства эстетического мышления и соотношений фольклора и авторской литературы, то предпочитаемую государством систему художественных воззрений, которой приписывался статус некой новой прогрессивной философии: «Социалистический реализм с большой определенностью, четкостью и последовательностью представил и воплотил политическое как эстетическое... Политическое как эстетическое – вот новое эстетическое слово социалистического реализма» [Иезуитов 1969: 399].

Попытки увязать негативные портретные описания с фольклорными проявлениями в авторской литературе всегда страдали некоторой «натянутостью». Как правило, исследователи соотносили их с начальными стадиями развития советских национальных литератур, обосновывали их отсутствием опыта. Более взвешенный, и также не совсем корректный подход определял тенденциозный абрис героя целеустановками автора, но относя наличие жестких форм таковых к периоду политического просветительства, де факто оставался в рамках эволюционного взгляда на проблему: «...выступления (авторов 20-х – 30-х гг. – Т.Т., Ю.Т., Л.А.)... не выходили за пределы утилитарно-просветительского назначения... персонажи, выступая носителями одного какого-либо качества, добра или зла, подчинены назидательной, дидактической установке авторов... Этой рационалистической установкой продиктованы средства портретной и социальной характеристики» [Толгуров 1991: 100-101].

Но обзор образцов «развитой» прозы показывает, что «превентивное», оценочно значимое описание внешности свойственно не только новописьменным литературам на ранних стадиях их становления и в условиях отсутствия нарративных навыков. Этот прием широко используется и большими признанными мастерами: «...Приезжий снял башлык и белого курпяя папаху, обнажив могучий угловатый череп, прикрытый редким белесым волосом. Из-под крутого, волчьего склада, лысеющего лба он бегло оглядел комнату и, улыбочиво сощутив светло-голубые глазки, тяжело блестящие из глубоких провалов глазниц, поклонился сидевшим на лавке бабам» [Шолохов 1973: 7-8].

Можно привести примеры, заведомо лишённые какой бы то ни было идеологической подоплеки – образцы творчества авторов, никоим образом не вписывающихся в общую линию развития русской советской литературы довоенных десятилетий: «...сорокалетняя Двойра, сестра Бени Крика, сестра Короля, изуродованная болезнью, с разросшимся зубом и вылезавшими из орбит глазами, сидела на горе подушек рядом с щуплым мальчиком, купленным на деньги Эйхбаума и онемевшим от тоски» [Бабель 1989: 111].

Единственный вывод, который можно сделать из всего вышеизложенного: превентивная, тенденциозная портретная характеристика персонажа, прямое оценочное описание его внешности не является нарративным элементом фольклорного происхождения. Полная стохастичность его употребления, как в смысле этнической принадлежности текста-носителя, так и с точки зрения нахождения последнего в том или ином пункте эволюционной траектории, свидетельствует, что вероятнее всего портретная превентивная характеристика – феномен, принадлежащий индивидуальному творчеству конкретно в новописьменных литературах СССР, получивший прописку лишь после становления общего культурного континуума государства.

Речь – не об изменении классификационного подхода к литературам, формирование которых связано с советским периодом. Однако ясно, что инструментарий этих литератур, их образная оснащённость и эстетическое качество требуют новой оценки. Во всяком случае – новых подходов в атрибуции фольклорных единиц и определении их эволюционной позиции в общей картине развития авторской литературы народов, традиционно относящихся к «новописьменным».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Адыгский героический эпос 1974 – Адыгский героический эпос. – М.: Наука, 1974. – 418 с.
- Бабель 1989 – *Бабель И.Э.* Конармия. – Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1989. – 303 с.
- Бахтин 1990 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 542 с.
- Бекизова 1972 – *Бекизова Л.А.* Становление и развитие многонациональной литературы в условиях содружества советских наций// Единство, рожденное в борьбе и труде. – М.: Известия, 1972. – 441 с.
- Борова 2015 – *Борова А.Р.* Эстетические архетипы адыгской поэзии: генезис и межкультурный обмен. – Нальчик: КБГУ, 2015. – 206 с.
- Гачев 1964 – *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX века). – М.: Наука, 1964. – 311 с.

- Иезуитов 1969 – *Иезуитов А.Н.* Актуальные проблемы социалистического реализма. – М.: Советский писатель, 1969. – 552 с.
- Карачаево-балкарский фольклор 1996 – Карачаево-балкарский фольклор (на балк. яз.) – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 с.
- Леви-Стросс 2001 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 512 с.
- Мелетинский 1976 – *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
- Мелетинский 2001 – *Мелетинский Е.М.* От мифа к литературе. – М.: Изд-во РГУ, 2001. – 168 с.
- Мусукаева 1993 – *Мусукаева А.Х.* Северокавказский роман. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 192 с.
- Нарты 1994 – *Нарты.* Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Восточная литература, 1994. – 654 с.
- Рыбаков 1974 – *Рыбаков Б.А.* Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. – 1974. – № 1. – С. 3–30.
- Свод карачаево-балкарского фольклора 2017 – Свод карачаево-балкарского фольклора. Карачаево-балкарская сказка. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 990 с.
- Толгуров 1991 – *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 286 с.
- Толгуров 1999 – *Толгуров Т.З.* Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 124 с.
- Толгуров 2005 – *Толгуров З.Х.* Белое платье. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 344 с. (на балк. яз.).
- Тхагазитов, Толгуров 2015 – *Тхагазитов Ю.М., Толгуров Т.З.* Топологические форманты этико-эстетического сознания кабардинцев и балкарцев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Вып. 11. – Т. 2. – С. 365–369.
- Узденова 2016 – *Узденова Ф.Т.* Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. – Нальчик: Принт Центр, 2016. – 211 с.
- Шкловский 1929 – *Шкловский В.Б.* О теории прозы. – М.: Федерация, 1929. – 266 с.
- Шолохов 1973 – *Шолохов М.А.* Поднятая целина. – М.: Просвещение, 1973. – 654 с.

REFERENCES

- Adygskii geroicheskii epos* [Adyghe heroic epic]. – М.: Nauka, 1974. – 418 p. (In Russ.).
- BABEL' I.E. *Konarmiya* [Cavalry]. – Baku: Azerbaidzhanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1989. – 303 p. (In Russ.).
- BAKHTIN M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renaissance* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. – М.: Khudozhestvennaya literature, 1990. – 542 p. (In Russ.).
- BEKIZOVA L.A. *Stanovlenie i razvitie mnogonatsional'noi literatury v usloviyakh sodruzhestva sovetskikh natsii* [The formation and development of multinational literature in the context of the Commonwealth of Soviet Nations]. In: *Edinstvo, rozhdennoe v bor'be i trude*. – М.: Izvestiya, 1972. – 441 p. (In Russ.).
- BOROVA A.R. *Esteticheskie arkhetyipy adygskoi poezii: genesis i mezhkul'turnyi obmen* [Aesthetic archetypes of Adyghe poetry: genesis and intercultural exchange]. – Nal'chik.: KBGU, 2015. – 206 p. (In Russ.).
- GACHEV G.D. *Uskorennoe razvitie literatury (na materiale bolgarskoj literatury pervoi poloviny XIX veka)* [Heroic epic of Balkars and Karachais]. – М.: Nauka, 1964. – 311 p. (In Russ.).
- IEZUITOV A.N. *Aktual'nye problemy sotsialisticheskogo realizma* [Actual problems of socialist realism]. – М.: Sovetskii pisatel', 1969. – 552 p. (In Russ.).
- Karachaevobalkarskii fol'klor* [Karachay-Balkarian folklore]. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 592 p. (In Balk.).
- LEVI-STROS K. *Strukturnaya antropologiya*. [Structural Anthropology]. – М.: Eksmo-Press, 2001. – 512 p. (In Russ.).

- MELETINSKII E.M. *Ot mifa k literature*. [From Myth to Literature]. – М.: Izd-vo RGU, 2001. – 168 p. (In Russ.).
- MELETINSKII E.M. *Poetika mifa*. [Poetics of myth]. – М.: Nauka, 1976. – 407 p. (In Russ.).
- MUSUKAEVA A.KH. *Severokavkazskii roman* [North Caucasian novel]. – Nal'chik: El'brus, 1993. – 192 p. (In Russ.).
- Narty. Geroicheskiy epos balkartsev i karachaevtsev* [Accelerated development of literature (based on the material of Bulgarian literature of the first half of the 19th century)]. – М.: Vostochnaya literature, 1994. – 654 p. (In Russ.).
- RYBAKOV B.A. *Yazycheskoe mirovozzrenie russkogo srednevekov'ya* [Pagan worldview of the Russian Middle Ages]. In: *Voprosy istorii*. – 1974. – № 1. – S. 3–30. (In Russ.).
- SHKLOVSKII V.B. *O teorii prozy*. [On Prose Theory]. – М.: Federatsiya, 1929. – 266 p. (In Russ.).
- SHOLOKHOV M.A. *Podnyataya tselina* [Virgin soil raised]. – М.: Prosveshchenie, 1973. – 654 p. (In Russ.).
- Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora. Karachaevo-balkarskaya skazka* [Code of Karachay-Balkarian folklore. Karachay-Balkar fairy tale]. – Nal'chik: IGI KBNTs RAN, 2017. – 990 p. (In Russ.).
- TKHAGAZITOV YU.M., TOLGUROV T.Z. *Topologicheskie formanty etiko-esteticheskogo soznaniya kabardintsev i balkartsev* [Topological formants of ethical and aesthetic consciousness of Kabardians and Balkarians]. In: *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. – Vyp. 11. – T. 2. – 2015. – S. 365–369. (In Russ.).
- TOLGUROV T.Z. *Informatsionno-esteticheskoe prostranstvo poezii Severnogo Kavkaza* [Information and aesthetic space of poetry of the North Caucasus]. – Nal'chik.: El'brus, 1999. – 124 p. (In Russ.).
- TOLGUROV Z.KH. *Beloe plat'e* [White dress]. – Nal'chik: El'brus, 2005. – 344 p. (In Balk.).
- TOLGUROV Z.KH. *V kontekste dukhovnoi obshchnosti* [In the context of spiritual community]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 286 p. (In Russ.).
- UZDENOVA F.T. *Khudozhestvennoe prostranstvo karachaevo-balkarskoi poezii: etnokul'turnyi kontekst* [Artistic space of Karachay-Balkarian poetry: ethnocultural context]. – Nal'chik: Print Tsentr, 2016. – 211 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т.З. Толгуров – доктор филологических наук.

Ю.М. Тхагазитов – доктор филологических наук.

Л.М. Аппаева – ведущая редакции вещания на балкарском языке.

Information about the authors

T.Z. Tolgurov – Doctor of science (Philology).

Y.M. Thkagazitov – Doctor of science (Philology).

L.M. Appaeva – leading edition of broadcasting in the Balkar language.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.10.2022 г.; принята к публикации 15.12.2022 г.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 15.12.2022.